

Алиса Арчер

ОБЪЕКТ
9

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
А88

Арчер, А.
А88 Объект 9 / А. Арчер. — М. : RUGRAM, 2025. — 360 с.

ISBN 978-5-517-13279-6

Частный детектив Кирилл Никольский получает заказ найти пропавшего шестнадцать лет назад ученого-вирусолога Павла Соболя. В процессе расследования Кирилл узнает, что все, кто искал Соболя раньше, мертвы. Вскоре он замечает, что за ним следят, затем бесследно исчезают его сестра и племянники. Кириллу кажется, что кто-то играет его разумом, его преследуют странные видения, но реальность оказывается гораздо страшнее самых жутких кошмаров.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13279-6

© Арчер А., 2025
© Хромцова М., оформление, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

ГЛАВА 1

Москва. 25 сентября 2028 года

Создатель первой в мире фотографии Жозеф Нисефор Ньепс вряд ли предполагал, что его изобретение когда-либо станет причиной гибели людей. И уж точно не догадывался, что спустя двести лет в мире, производящем полтора триллиона снимков в год, запись изображения с помощью оптических излучений будет использована в таких неприглядных целях, как шантаж, вымогательство, шпионаж. Его творение, пережив создателя, многократно усложнилось и в итоге обрело форму, неподвластную разуму творца. Из безобидного развлечения превратилось в орудие, способное разрушать человеческие судьбы.

Двенадцать фотографий, лежащих в черном кейсе у меня на коленях, были сделаны как раз с этой целью — уничтожить жизнь человека. Влиятельного богатого человека. Неверного мужа ревливой жены. Гораздо более богатой и влиятельной, если судить по условиям их брачного контракта.

Он был уверен, что все продумал. Каждая деталь — комплекты сменной одежды, парики, очки с темными стеклами, оплата исключительно наличными —

служила цели обмануть возможного соглядатая. Он делал все, чтобы его невозможно было поймать. Вела ли изменника любовь или страсть к авантюрам — неизвестно. Но мне пришлось изрядно попотеть, прежде чем получить свои двенадцать фотографий. Двенадцать доказательств его супружеской неверности.

Я остановился у банка за двадцать минут до его закрытия. Напротив здания меня уже дожидался красный спортивный «ауди», внутри угадывался женский силуэт. Оставив конверт с фотографиями в ячейке, я вышел из банка, подошел к автомобилю и, дождавшись, когда стекло немного опустится, протянул заказчице ключ и доверенность на однократный доступ к ячейке. Взамен изящная рука приложила к стеклу смартфон с подтвержденным денежным переводом. Взглянув на шестизначную сумму, я убедился, что сделка завершена, и вернулся в машину. Перед глазами мелькали крошечные черные точки, шея окостенела, звуки приобрели болезненную отчетливость. Я чувствовал признаки надвигающейся мигрени.

Так было всегда. Стоило на несколько дней пренебречь режимом, переутомиться, подольше задержаться у компьютера — и приходила боль, вырывая из жизни по несколько часов, а иногда и дней. Отравляла существование, сужала фокус восприятия до точки над правой бровью, заставляла ненавидеть самого себя. Но я не стал бы тем, кем являюсь, если бы не умел справляться с собственным недугом. И сейчас требовалось оперативно купировать приступ. Вариантов было всего два. Ехать домой, лечь в теплую ванну, делать дыхательные упражнения, затем массаж затылочной и височной зон и, выпив легкое седативное, укладываться в кровать. Или прямо сейчас, пока боль еще не проявилась в полную силу, выпить таблетку суматриптана. Лечащий врач настойчиво рекомендовал начинать с первого способа, но я всегда выбирал второй.

Приняв лекарство, я закрыл глаза и немного посидел, прислушиваясь к ощущениям. Облегчение наступало медленно, я чувствовал себя опустошенным, лишенным сил. Двадцать девять часов непрерывной слежки за объектом не прошли даром, мне требовался полноценный отдых. Дорога домой заняла бы около двух часов, поэтому я решил переночевать в офисе, на старом кожаном диване, поставленном в кабинете как раз для подобных целей. Стоит ли говорить, что с момента его покупки я спал там едва ли не чаще, чем в собственной квартире.

Оставив автомобиль на платной парковке, я поднялся на второй этаж жилой высотки, набрал код на электронной панели замка и, не зажигая света, прошел сразу в кабинет. Скинул ботинки, куртку и рухнул на диван. По шее сзади разлилось приятное тепло, и я улыбнулся, поняв, что на сегодня мигрень отступила. Пристроился поудобнее, закрыл глаза, но в темноте вдруг раздалось негромкое покашливание, и чужой незнакомый голос произнес:

— Вы не против, если я закурю?

Я подскочил на диване, словно подо мной раздался взрыв. Нашупал выключатель, врубил слабый свет. На подоконнике сидел человек. Увидев мое ошалелое лицо, он примирительно поднял руки и снова заговорил:

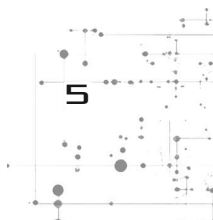
— Прошу прощения за столь внезапное вторжение. Я жду вас с двенадцати часов и уже начал думать, что вы не придете.

— Как вы попали в офис? — Я задышался от возмущения и чувства странной неловкости перед незнакомцем.

— Ваш электронный замок... «Альфа-3», верно? Мне не составило труда подобрать код.

— Но я мог поехать домой! Какого резона торчать здесь до ночи?

— Там бы вас встретил мой помощник, — смущенно улыбнулся незнакомец. А я ощутил, как меня захватывает гнев вперемешку с удивлением.

— Вы вломились в мой дом?! — Мой взгляд невольно метнулся к сейфу, в котором находился травматический пистолет. Не то чтобы я собирался пустить в ход оружие, но ситуация требовала хоть каких-то действий.

— Я бы использовал более мягкую формулировку, — еще сильнее смутился незнакомец, достал пачку сигарет и впросительно взглянул на меня. — Зашли в гости, нанесли визит уважения, пришли попросить о помощи.

— Убирайтесь отсюда! — не выдержал я. — Валите ко всем чертям, где дверь — знаете!

Сердцебиение начало утихать, я опустил на диван, сверля незнакомца недовольным взглядом. Но гость даже не пошевелился. Я отметил бледность лица, темные круги под глазами. Похоже, он тоже давно не спал. Однако схожая беда не делала нас товарищами по несчастью.

— Понимаю ваше негодование, — снова заговорил незнакомец, — однако все же прошу меня выслушать. Я не пришел бы к вам, не имея веской причины.

— Я временно не беру новых дел, — ответил я, и это соответствовало истине.

Я действительно планировал отдохнуть после завершения дела об изменнике. Уехать в уютную тихую глушь, где нет телефонов, интернета, людей. Где день за днем одинаковый пейзаж и много изматывающей физической работы. Причины у клиентов будут всегда, а я не могу все время закидываться таблетками.

— Оставьте свой номер, я позвоню вам, когда вновь вернусь к работе. — Я предложил единственный вариант, который видел, но незнакомец покачал головой:

— Я заплачу. В четыре раза больше вашего обычного гонорара.

— Спасибо, но я все-таки откажусь. Если у вас срочное дело, могу порекомендовать вам коллег.

На лице гостя промелькнула растерянность.

— Я не рассчитывал на такой категоричный отказ. — Он сунул сигареты обратно в карман пиджака и нервно сцепил пальцы в замок. — Мне вас рекомендовали как серьезного специалиста, и я обратился к вам в первую очередь потому, что вы занимались делом Алексея Красильникова.

Вот оно что. А гость не так прост! Он знает, что я дорожу репутацией, и, что гораздо важнее, осведомлен о деле, которое в ближайшие тридцать лет будет храниться под грифом «совершенно секретно». Что ж, это многое объясняет: откуда взялся помощник в моей квартире и легкость, с которой незнакомец проник в офис. И как бы мне ни хотелось послать его куда подальше, уделить ему время придется.

Я покачал головой, смирясь с неизбежностью, и пробурчал:

— Выкладывайте, что у вас.

— Меня зовут Дмитрий Сергеевич Осокин. С недавнего времени я являюсь директором Научно-исследовательского института сложных атомных технологий, и мне нужна помощь в поиске одного из его бывших сотрудников.

Я прокрутил в голове все, что слышал о названном НИИ, и задал вопрос:

— Это ведь бывший Биотех? У Москворецкого парка? Там еще пару лет назад прогремел взрыв? Нашли кости в бетонных блоках...

Брови Осокина поползли вверх, лицо приняло удивленное выражение.

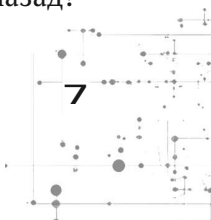
— Откуда вы знаете? — сдвинуто поинтересовался он. — Не думал, что вы так осведомлены...

— Осведомлен? — Настала моя очередь удивляться. — Об этом говорили по телевизору, в утреннем выпуске новостей.

— В одном-единственном выпуске новостей, — медленно проговорил гость. — Репортаж сразу же сняли с показа.

— Значит, я видел именно его. — Я пожал плечами.

— Вы помните все, что видели в новостях два года назад?

— У меня гипертония, — ответил я, немного резче, чем планировал. Как правило, ситуации, в которых мне приходилось упоминать о своем недуге, возникали нечасто, и я избегал разговоров о нем и уж тем более не собирался обсуждать это с клиентами.

— Вот как! — Осокин прищурился. — Сочувствую. И как вы с этим живете?

— Вполне неплохо. Особенно когда не приходится отвечать на бестактные вопросы.

— Извините.

— Давайте перейдем к делу.

— Как я уже говорил, мне нужна помощь в поиске человека. Соболев Павел Алексеевич, старший научный сотрудник того самого Института биотехнологий.

— Когда он пропал?

— Больше пятнадцати лет назад. А если говорить точно — семнадцатого октября две тысячи двенадцатого года он отправился на работу и с тех пор так и не вернулся. С ноября тринадцатого года официально признан пропавшим без вести. В две тысячи двадцать первом его супруга обратилась в суд с просьбой о признании Соболева умершим для получения наследства и вступления в повторный брак. В прошлом году истек срок официального розыска, и полиция отправила дело в архив.

— И вы хотите, чтобы я нашел его? — Я задал вопрос, вложив в него как можно больше сарказма, но Осокин, кажется, не заметил этого.

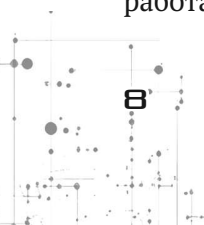
— Да.

— Вы понимаете, что расследование может ни к чему не привести?

— Да, и я оплачу вашу работу независимо от результата.

— Но для чего вы разыскиваете его?

— Меня интересуют исследования Соболева. То, над чем он работал перед тем, как исчез. Сойдет любая информация

о его возможном местонахождении. И даже ваши предположения о том, куда он пропал.

«Сойдет»? Я мысленно акцентировал это слово: мало кто из обращавшихся ко мне клиентов использовал его. Точнее, никто и никогда не описывал желаемый итог подобной пренебрежительной формулировкой. Заказчикам необходим конкретный ответ, и даже в самых безнадежных случаях они надеются, что мой ответ принесет им пользу. Неужели Осокин прождал больше одиннадцати часов ради дела столь незначительного, что для него и впрямь «сойдет» любой результат? И его обещание заплатить вчетверо больше... Что-то тут явно не сходится.

— Боюсь, я все же вынужден отказаться от вашего предложения, — сказал я, поразмыслив. Осокин заметно сник, в глазах на мгновение промелькнула досада, но он быстро взял себя в руки.

— Почему? — По его тону я понял, что он не собирается сдаваться. — Я предлагаю вам несложную работу за очень хорошие деньги.

Именно это меня и смущает, подумал я, а вслух ответил:

— Мне сложно работать, когда я не понимаю мотивации клиента. Обычно ко мне приходят с просьбой отыскать пропавшего родственника или друга, помочь разобраться в семейной ситуации, но никак не найти совершенно постороннего человека во имя абсолютно непонятных целей.

Осокин задумался. Несколько минут постоял, уставившись в одну точку, затем тяжело вздохнул и проговорил:

— Видите ли, я не зря упомянул дело Красильникова. Вы тот, кто понимает, почему ему нельзя было позволить сесть в самолет. Бог знает сколько бед принесли бы те формулы, попади они в руки конкурентов. Так вот, у меня есть основания предполагать, что Соболю удалось то, что не удалось Красильникову. А это значит, что мы уже опоздали на шестьнадцать лет. Мне нужна, — он сделал паузу, словно подбирая

слова, — любая информация о том, с кем он контактировал перед исчезновением, с кем общался внутри института. Ведь есть вероятность, что его просто использовали и разработки вывез кто-то другой.

— А Соболя закатали в асфальт, — кивнул я.

Осокин позеленел.

— Н-нет, — запинаясь, произнес он, — найденные кости... принадлежали совсем другому человеку.

— О, я не это имел в виду. — Увидев его замешательство, я смутился. — Я просто пошутил. Неудачно.

В кабинете повисла тишина. Осокин ждал моего ответа, а я, не стесняясь, обдумывал его слова, параллельно вспоминая о деле четырехлетней давности, к которому меня привела случайность.

В беседе с клиентом, нанявшим меня разыскать нечистого на руку жениха своей дочери, укравшего, помимо прочего семейного добра, боевые награды деда, я имел неосторожность высказать мнение о мерзавцах, для которых трагическая история страны лишь повод для наживы. Со временем разговор перетек в более абстрактное русло, коснулся патриотизма, и я упомянул, что, хоть и не считаю себя ярым патриотом, уверен, что если гадить в своем собственном доме, то лучше в нем однозначно не станет. Спустя три месяца у меня на пороге появился представитель власти, и я оказался вовлечен в промышленные секреты госкорпораций.

Работа шла тяжело, мне приходилось продираться через множество запретов и ограничений, связанных с защитой технологических и коммерческих тайн, но я чувствовал, что занимаюсь действительно важной задачей. Красильников был сволочью, пытавшейся продать новейшие научные разработки за границу; упустить его значило обесценить годы исследований целого сообщества ученых. И я ни о чем не жалел, хоть и стал свидетелем довольно грубой работы спецслужб.